

О КУЛЬТУРНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ В ЯЗЫКОВОМ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сложная динамика переустройства мира, вспышки национальных конфликтов, смена мировоззренческих ориентаций целых народов превращают становление языкового пространства личности в одну из важнейших культурологических проблем. Активно взаимодействуя с внешним миром в разных областях и сферах деятельности, человек становится одним из элементов многоязыкового, поликультурного информационно образовательного пространства.

Вся мировая история – это процесс взаимодействия народов, каждый из которых обладал и обладает своей культурой, своим языком общения, своей системой ценностей. Это своего рода встреча, столкновение, взаимовлияние и взаимопроникновение различных языков, способов существования, культурных особенностей в сознании и поведении как отдельно взятого человека, так и той или иной социальной группы или общности людей.

Применительно к Беларуси вопрос о взаимодействии культур и языков принимает характер непростой задачи совмещения в сознании и поведении белорусов ценностей западной и восточной культур с ценностями национальной и субнациональной (этнической) культур, ведь на территории нашей страны проживает 141 национальность и действуют два государственных языка – русский и белорусский.

Взаимодействие культур проявляется в их влиянии друг на друга. А оно возможно только там, где есть определенные различия между ними, иными словами, проблема взаимодействия культур должна исследоваться в двух плоскостях: узнавание «своего» в чужой культуре и познания иных смыслов, преодоления трудностей их постижения в другой.

В языковом плане процессы глобализации, усиление интеграционных тенденций в науке, культуре, образовании, экономике, политике в большой степени способствовали и способствуют повышению роли иностранного языка (ИЯ) как посредника в разного рода связей, контактов и процессов. И так сложилось в силу глобализации, а также геополитических причин, что среди основных европейских «рабочих» языков (английский, немецкий, французский, испанский, итальянский) главенствующую роль занял английский язык.

Пожалуй, нет ни одной области знаний, где не использовался бы английский язык: он является «рабочим» языком симпозиумов и конференций, на нем печатаются газеты и журналы, на его основе работают информационные технологии и Интернет, он востребован в любой стране

мира. Повсеместно создаются и функционируют учебные лингвистические центры по оказанию целого комплекса языковых услуг, в целях обмена профессиональным опытом и на учебу выезжают за рубеж студенты и школьники, преподаватели и ученые, специалисты разного профиля. В век Интернета в полной мере используется весь арсенал языкового сотрудничества в области науки, техники, культуры и образования. И то, что сегодня мир переживает своеобразный «языковой бум», а изучению ИЯ отводится значительное место и уделяется большое внимание, уже никого не удивляет. Знание ИЯ стало в наши дни показателем образованности человека, степенью его культуры. Языковая компетентность сказывается на свободе действий и решений, которые каждый индивидуум предпринимает для устройства своей личной и профессиональной жизни. В сложившихся условиях владение ИЯ всеми категориями лиц является важной государственной задачей, а обучение ИЯ рассматривается как органическая часть процесса подготовки высококвалифицированных специалистов, активно владеющих ИЯ как средством межкультурной коммуникации в сфере профессиональных интересов и в ситуациях социального общения.

Вместе с тем, даже самый беглый взгляд на современную языковую обстановку в нашей стране, России, Украине, в странах Балтии позволяет отметить ее *демонстративную интернационализацию* за счет многочисленных заимствований слов и выражений, проникновения рекламы из европейских языков и, прежде всего, из английского.

В 50-80-е годы прошлого столетия вопросам заимствований были посвящены работы многих известных ученых: Н.Н. Амосовой, О.С. Ахмановой, В.М. Аристовой, Р.А. Будагова, А.А. Брагиной, В.В. Виноградова, Е.М. Галкиной-Федорук и многих других.

Многими учеными заимствования оценивались как одно из мощных средств обогащения того или иного национального языка. Сегодня трудно однозначно поддержать или опровергнуть эту точку зрения. Наши наблюдения над изменениями, происходящими в лексике и фразеологии русского языка в конце XX и начале XXI вв. [1, с. 106], заставляют задать нам самим такие вопросы: на каком языке говорят сейчас наши дети и внуки? И как они будут разговаривать в недалеком будущем? На «европанто»?

Подобным образом шутливо назвал интернациональную смесь из слов и выражений основных европейских языков один итальянский переводчик Диего Марани. Шутка имела свои последствия. «Европанто» распространился по Европе со скоростью эпидемии. А некоторые европейские газеты, например, в консервативной Швейцарии, ввели даже отдельные рубрики на этом языке. Это значит, что предела общению нет. Не знаешь английского слова или фразы, используй французскую, не помнишь французскую, прибегни к итальянской или испанской.

Язык – орудие познания, с помощью которого человек познает мир и культуру. Язык является показателем степени культуры человека. Являясь орудием культуры, он формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, характер, идеологию. «Вернейший

способ узнать человека – его умственное развитие, его моральный облик, его характер – прислушаться к тому, как он говорит», – так утверждал академик Д.С. Лихачев. [2, с. 85]. И это утверждение кажется бесспорным.

На каждом уровне языковой системы существует свое семантическое отражение, определенное ее спецификой [3, с. 9]. Лексика и фразеология в языке – самые открытые, подвижные, избыточные и противоречивые системы, отражающие нашу жизнь во всем ее многообразии. В развитии лексики и фразеологии можно проследить как национальные, так и интернациональные тенденции, выявить общие семантические закономерности и окказиональные осмысления. Чужие, заимствованные слова приспособляются к новым социальным условиям, к новой языковой системе. Сравните такие английские слова как *revolution, pioneer, scholar, radical, dramatic* и многие другие, имеющие в русском языке самые разные значения. Чаще всего заимствованный элемент культуры переосмысливается, «обрастает» словообразовательными элементами, нередко приобретает новое значение, нежели в той, откуда он был заимствован. Например, слово *стресс* в результате грамматического подчинения получило русскую категорию падежа, сравните: *опасность стресса*, оно является основой для образования (по правилам русского словообразования) прилагательного *стрессовый*, сравните: *стрессовая ситуация, стрессовые реакции, стрессовое состояние*.

В русском языке используется масса слов, пришедших из английского языка в разные периоды времени из различных сфер человеческой деятельности. Например, *комфорт* и *дискомфорт* ‘comfort and discomfort’, *босс* ‘boss’, *джинсы* ‘jeans’, *хобби* ‘hobby’, *кемпинг* ‘camping’, *банкнота* ‘banknote’, *дисплей* ‘display’, *холл* ‘hall’, *модерн* ‘modern’ и мн. др., которые, будучи существительными, могут употребляться, подчиняясь правилам системы словообразования русского языка. Привычным явлением стало употребление в письменной и устной речи серии слов с приставкой *де*: *демократизация* ‘democratization’, *демонополизация* ‘demonopolization’, *децентрализация* ‘decentralization’, *демилитаризация* ‘demilitarization’ и др. или таких словосочетаний как: *новое политическое мышление* ‘new political thinking’, *открытое гражданское общество* ‘open civic society’, *общечеловеческие ценности* ‘human, common to all mankind values’ и др.

Чужое слово, заимствованное в каком-то одном значении, постепенно углубляет свою семантику, расширяет свои семантические связи, как, например, слово *климат* прошло через семантический сдвиг и послужило основой для образования слова *микроклимат*, переносное значение которого сильнее основного благодаря своей осязаемой образности.

Не во всех случаях столкновения с чужим словом можно говорить об обогащении языка. Заимствование уместно тогда, когда оно не противоречит норме, не отягощает синонимические ряды ненужными тавтологическими повторениями, а выполняет определенную смысловую и стилистическую роль. Употребление заимствования может быть оправдано лишь в том случае, когда оно незаменимо в конкретной речевой ситуации, когда оно органично в неё вписывается и в нем есть социально-языковая потребность.

Такие чужие слова можно рассматривать как элементы интернационализации, как особые стилистические приемы выразительности, как органичные вкрапления.

«Авторитет употребления», целесообразность, ситуативная необходимость могут определить отношение к чужому слову и защитить родной язык от «небрежия», от «неприличностей», так писал М.В. Ломоносов о ненужных, необдуманных заимствованиях [4, с. 67].

Увлечение чужим словом создает особый язык – «смесь французского с нижегородским», как называл его А.С. Грибоедов. В наше время — это уже смесь английского с любым другим языком или говором, т.е. «европанто».

В переходные периоды, во время социальных изменений, ломки одних и создания других общественных отношений, открытия границ перемены в словарном составе языка всегда велики. Так было, например, в Петровскую эпоху, когда в русский язык пришло более 3 тысяч иностранных слов. В основном это были слова, относящиеся к области морского дела, торговли, названия титулов и должностей, религиозных течений, названия некоторых английских предметов и реалий. По отношению к словарному составу русского языка в целом эти слова составляли лишь 5 %.

На протяжении всего XVIII века наблюдалось дальнейшее проникновение слов из английского языка в русский. Этому способствовали не только правительственные связи, но также частые посещения Англии русскими и их обучение в английских колледжах. К концу XVIII века в России издавалось много переводной литературы разного рода – от сельского хозяйства до быта и моды. К середине XIX века в России было уже переведено немало художественной литературы английских и американских писателей. Такое широкое распространение английской литературы в России не могло не сказаться на лексическом составе русского языка. Различные толковые словари, а затем и Академический словарь русского языка уже не могли игнорировать западноевропейские заимствования из английского, французского и др. языков.

На протяжении XX века наблюдалось умеренное пополнение словарного состава русского языка в основном за счет терминологической лексики. В области науки английский язык полностью вытеснил французский и немецкий языки, а с ростом глобализации (к концу XX века) стал основным языком общения в мире.

С конца XX века по настоящее время «размывание» культурных стереотипов и литературных канонов приобрело невиданный размах. После перестройки наше общество пережило минимум три «словесные волны»: бандитскую, профессиональную и гламурную, а в действительности оно прожило три одноименных периода, три моды, разглядеть которые позволяет наш родной язык. Про эти три периода можно философствовать бесконечно, можно снимать фильмы и писать романы, что и делается, а можно просто произносить те самые слова и за ними встанет целая эпоха. Это тоже философия, но философия языка. Языка в зеркале теории и практики отражения нашей жизни.

Одну из главных опасностей литературоведы, языковеды, работники сферы культуры видят, прежде всего, в «засорении» русской речи американизмами и англицизмами. Язык при невозможности сразу выразить новое понятие обращается к иностранным языкам, которые ту или иную реалию уже освоили. Таким, например, как *аудиты* и *аудиторы*, *маркетинги* и *маркетологи*, *риелторы*, *трейдеры*, *дефолты*, *лизинги*, *офшоры*, *аквапарки*. К месту и не к месту можно услышать и прочесть такие слова как: *консенсусы*, *паттерны*, *перформансы*, *экслюзивы*, *презентации*, *инициации*, *инсталляции*, *репродуктивизм*, *секвестр* и мн. др. У нас, носителей родного языка (знающих английский язык), вначале возникает психологический дискомфорт от нового, непривычного, режущего слух слова или словосочетания. Возникает ощущение неприятия и раздражения. Но журналисты СМИ все больше режутся на этом празднике вербальной (словесной) свободы, когда начинают *секвестировать* не только бюджет, но и доходы, зарплату, время. Они вкладывают без того в непрозрачные для читателя значения свой личный дополнительный смысл, жонглируя *раздрайными спичами*, *полным дефолтом*, *экслюзивным отдыхом*, *фейс-контролем*, *таун- или блин-хаусом*, *бизнес-ланчем*, *дресс-кодом*, *брендом*, *респектом*, *шопом*, *электоратом*, *имиджмейкерами*, *римейками*, *драйвами*, *промоушном*, *саундтреком*. Журналисты средств массовой информации, играя словами и словосочетаниями, уродуют родной язык, который веками создавался народом, насаждают «заморскую» речь, вымывая тем самым национальное самосознание. На телевидении «расплодилось» бессчетное количество программ, в названии которых непременно мелькают заграничные «шоу» и «хиты», например, *дог-шоу*, *ток-шоу*, *джентльмен-шоу*, *маски-шоу*, *реалити-шоу*, *хит-парад*, *хит-дневник*, *хит-конвейер* и др. *Юзер*, *сайт*, *провайдер*, *флэшка*, *чат*, *картридж*, *портал* и др. понятны прежде всего пользователям компьютеров. И в сфере экономики, и в сфере политики, и в области культуры и спорта накоплен уже большой словарь из числа заимствований, который понятен специалистам, но не каждому рядовому слушателю, когда он звучит с экрана телевизора или по радио.

В том же Интернете молодые люди отныне не общаются друг с другом, а *сидят в чате*. С его появлением пользователи компьютеров начали «играть» словами так, как им хочется: писать «*афтар*» вместо *автор*, «*зачот*» вместо *зачет*, «*красафчег*» вместо *красавчик*. «Интеллектуалы»-хулиганы в середине нулевых с намеренными искажениями писали целые тексты. Повлияло ли это как-то на массовый язык? Нет. Каждый из пользователей по-прежнему пишет так, как умеет, в меру своей грамотности. Но существует другая опасность: наши дети будут писать с ошибками. До эпохи Интернета дети учились читать исключительно по книжкам, а в них были абсолютно грамотные тексты, проходившие корректуру и редактуру, теперь же в их распоряжении «всемирная паутина», где редактирование – целиком на совести тех, кто размещает тексты. Человек, ведущий себя неадекватно, именуется «*крезанутым*» (от англ. *crazy* – ‘безумный’). В одночасье наши исконные конторы и учреждения стали *офисами*, директора, начальники,

руководители – менеджерами, главный из которых – топ-менеджер, благодетели и попечители – спонсорами, школьная форма – дресс-кодом, магазин – шопом, терпимость обернулась толерантностью, разномыслие стало плюрализмом, кураж, задор стали драйвом, фото- и кинопробы – кастингом и т.д. и т.п. Удачный экинг обеспечат промоушном и прокрутят по тиви в прайм-тайм. С крутым хэдлайнером – это нон проблем.

Замечено, что перед лицом угрозы засилия американизмов, рождаются в том числе откровенно сатирические считалки. «Рокер, брокер / киллер, дилер / популизм, консенсус, бартер / референдум, клиринг, руфер / пролонгация и чартер / панки, хиппи, фреймы / лобби, йогурт, демократ. Политический раздрай: кого хочешь – выбирай!»

Современный литературный язык в последние десятилетия заметно сдал свои позиции. На смену богатству и яркости народной речи идут неряшливость, агрессивность, грубость. Родная речь сейчас «рубится», лихорадочно куда-то бежит, из ее строя уходят и мысль, и переживания. Самой грозной опасностью представляется изменение внутреннего ритма, переход на ускоренные обороты. Как можно короче мыслить, как можно меньше чувствовать, главное – информация. Вдобавок речь и криминализируется. Когда выражение *наемный убийца* заменяется словом *киллер* – тут дело не просто в языке, это уже изменение системы ценностных и нравственных координат, а это опасно для всего общества. Многие языковые нововведения словно бы прямо направлены на то, чтобы стереть грань между хорошим и плохим, добром и злом. А ведь язык сильнейшим образом влияет на мышление, на интеллект. Примитивная, бедная, «подзаборная», клишированная речь формирует и закрепляет склонность к соответствующему мышлению. Плох был «новояз» минувшей эпохи, но гораздо страшнее стихия саморазрушения, которая «бушует» в нашем обществе последние 25 лет, разметая нашу культуру и выхолащивая души людей. Достаточно послушать речь наших молодых современников, убогую интеллектуально, но богато украшенную жаргоном, полублатной лексикой и матом, чтобы понять о какой подлинной угрозе языку идет речь. Речь молодых людей пестрит такими словечками как: *колбасит, тараканит, стрелка, наезд, приколоться, прикольный, феня, хавать, лимон, гринь, баксы, бабло, бабки* и прочими «прелестями» непристойного толка. А это как мат. А он опасен. В атмосфере, перенасыщенном матом, чахнут добро и милосердие, буйно произрастают семена нравственного и правового нигилизма. В таких условиях перерождается сама душа – она становится злой и агрессивной. Наибольшее число правонарушений и преступлений совершают те, кого в народе называют матерями. Но при этом услужливо издаются массовыми тиражами словари матерных слов и выражений, которых во «всемирной паутине» превеликое множество. Только за последние годы вышло более 200 справочников, среди них «Словарь жаргона преступников» (3700 слов и выражений), «Энциклопедия преступного мира» (6500 слов и выражений) и даже «Международный словарь непристойностей». По подсчетам корреспондента американской газеты

«Русское слово» сейчас в русском языке насчитывается 40 000 бранных слов. Один из первых в мире собирателей мата А. Флегон, приступая к изданию, которое назвал «За пределами русских словарей» наивно полагал, что таких слов в нашем языке не более 500. В словаре опубликовано 6000 слов и выражений, но еще в картотеке осталось неопубликованных 34000.

Язык – зеркало души. Здесь – прямая взаимосвязь. Язык – это не просто средство общения, но и сложнейшая и могучая знаковая система, связанная с системой духовных ценностей, нравственной и социальной оценкой явлений, фактов и поступков. Язык – это история одного конкретного народа. И в данное время с его помощью пишется история нового времени нашего общества. Но сейчас он нуждается в защите, в нормировании, в бережном к нему отношении. Ибо деградирует язык – деградирует нация.

Язык – творец и создатель культуры. Не только культура, но и весь мир берет свое начало в Слове. Как сказано в Евангелии от Иоанна: «В начале было Слово и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [5, с. 365]. И относиться к нему надо по-Божески. И всем без исключения. А на государственном уровне, очевидно, было бы уместно поставить вопрос о разработке закона «О защите духовной и информационной среды», найти формы и методы воздействия на культуру речи в СМИ, находящихся и работающих на нашей территории (с учетом опыта Франции и Польши, сумевших защитить свои национальные языки).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голикова, Ж. А. Изменения в лексике и фразеологии родного языка в зеркале событий нового времени (конец XX – начало XXI вв.) / Ж. А. Голикова // Инновационные подходы к подготовке специалиста в условиях глобализации в образовательных процессах : материалы III Международной научной конференции, Владимир, 25 октября, 2013 г. – Владимир, 2013. – С. 106–112.
2. Лихачев, Д. С. Очерки по философии художественного творчества / Д. С. Лихачев. – РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – 2-е изд., доп. – СПб. : БЛИЦ, 1999. – 191 с.
3. Брагина, А. А. Лексика языка и культура страны / А. А. Брагина. – М. : Русский язык, 1981. – 177 с.
4. Ломоносов, М. В. О человеческом слове вообще / М. В. Ломоносов. – Полн. собр. соч. – М., Л. : АН СССР, 1952. – Т. 7. – 271 с.
5. Лихачев, Д. С. Русская культура / Д. С. Лихачев. – М. : Искусство, 2000. – 440 с.